

Западная колонизация проявляла способность к дальнейшему развитию, хотя среди греков она сохраняла своеобразие и замкнутость. Если французы и итальянцы в Греции не слились с иноязычным туземным элементом, как прежде готы и лангобарды в Италии или франки в Галлии, то случилось это потому лишь, что завоевателям Греции присуща была более сильная индивидуальность и самосознание и они обладали более цивилизованными нравами, чем готы и лангобарды, и, наконец, потому еще, что чистота расы поддерживалась у франков новыми приливами единоплеменников, а великая латинская церковь их решительно обособляла от греков.

В то же время между эллинским Востоком и латинским Западом отсутствовало духовное сродство, а благодаря этому не могло между ними свершиться и полного слияния. Греки никогда не могли облатиниться, и их язык, религия и образованность оказывались неискоренимы.

В то самое время, как французы и итальянцы заводили в Греции свои государства, с 1230 г., в Северо-Восточной Европе возникла колония немецких рыцарей-меченосцев. Этот же орден приобрел земли в Элладе, именно в Морее. В 1209 г., когда в Андравиде между рыцарством и клиром распределялись лены, немецкие братья получили четыре имения в Каstellании Каламате с Мостеницей, где и образовалась резиденция Комтура Романии. Более счастливый, чем ордены иоаннитов и тамплиеров, немецкий орден до падения еще греческих франкских государств переселился с Востока в Пруссию. Мариенбург сделался здесь тем же, чем Андравида являлась для Пелопоннеса, а Афины — для Аттики. В дробях Пруссии и Литвы этому рыцарскому ордену удалось свершить то, что не могло удаться франкам в греческих культурных землях, а именно — меченосцы создали политический строй такой жизненной мощи, что по прошествии свыше полутысячелетия он явился одним из важнейших факторов в пересоздании заново немецкой национальной империи.